

Сказание о Кише

Автор:

[Джек Лондон](#)

Сказание о Кише

Джек Лондон

Подари сказку (Эксмо)

Семь всемирно известных рассказов Джека Лондона о бесстрашных покорителях Севера: «Сказание о Кише», «Меченый», «Бурый Волк», «В далёкой стране», «За тех, кто в пути», «Дочь северного сияния», «Жена короля». Новые, яркие и реалистичные иллюстрации петербургского художника Владимира Канивца.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Джек Лондон

Сказание о Кише

Рассказы

Все права защищены. Книга или любая её часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или её части без согласия издателя является незаконным и влечёт уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Художник Владимир Канивец

© М. Богословская, перевод, 2021

© Т. Литвинова, перевод, 2021

© Т. Озёрская, перевод, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Сказание о Кише

Давным-давно у самого Полярного моря жил Киш. Долгие и счастливые годы был он первым человеком в своём посёлке, умер, окружённый почётом, и имя его было у всех на устах. Так много воды утекло с тех пор, что только старики помнят его имя, помнят и правдивую повесть о нём, которую они слышали от своих отцов и которую сами передадут своим детям и детям своих детей, а те – своим, и так она будет переходить из уст в уста до конца времён. Зимней полярной ночью, когда северная буря завывает над ледяными просторами, а в воздухе носятся белые хлопья и никто не смеет выглянуть наружу, хорошо

послушать рассказ о том, как Киш, что вышел из самой бедной иглу[1 - Иглу – жилище канадских эскимосов, выстроенное из снега.], достиг почёта и занял высокое место в своём посёлке.

Киш, как гласит сказание, был смышлёным мальчиком, здоровым и сильным и видел уже тринадцать солнц. Так считают на Севере годы, потому что каждую зиму солнце оставляет землю во мраке, а на следующий год поднимается над землёй новое солнце, чтобы люди снова могли согреться и поглядеть друг другу в лицо. Отец Киша был отважным охотником и встретил смерть в голодную годину, когда хотел отнять жизнь у большого полярного медведя, дабы даровать жизнь своим соплеменникам. Один на один он схватился с медведем, и тот переломал ему все кости; но на медведе было много мяса, и это спасло народ. Киш был единственным сыном, и, когда погиб его отец, он стал жить вдвоём с матерью. Но люди быстро всё забывают, забыли и о подвиге его отца, а Киш был всего только мальчик, мать его – всего только женщина, и о них тоже забыли, и они жили так, забытые всеми, в самой бедной иглу.

Но как-то вечером в большой иглу вождя Клош-Квана собрался совет, и тогда Киш показал, что в жилах у него горячая кровь, а в сердце – мужество мужчины, и он ни перед кем не станет гнуть спину. С достоинством взрослого он поднялся и ждал, когда наступит тишина и стихнет гул голосов.

– Я скажу правду, – так начал он. – Мне и матери моей даётся положенная доля мяса. Но это мясо часто бывает старое и жёсткое, и в нём слишком много костей.

Охотники – и совсем седые, и только начавшие сесть, и те, что были в расцвете лет, и те, что были ещё юны, – все разинули рот. Никогда не доводилось им слышать подобных речей. Чтобы ребёнок говорил, как взрослый мужчина, и бросал им в лицо дерзкие слова!

Но Киш продолжал твёрдо и сурово:

– Мой отец, Бок, был храбрым охотником, вот почему я говорю так. Люди рассказывают, что Бок один приносил больше мяса, чем любые два охотника, даже из самых лучших, что своими руками он делил это мясо и своими глазами следил за тем, чтобы самой древней старухе и самому хилому старику досталась справедливая доля.

– Вон его! – закричали охотники. – Уберите отсюда этого мальчишку! Уложите его спать. Мал он ещё разговаривать с седовласыми мужчинами.

Но Киш спокойно ждал, пока не уляжется волнение.

– У тебя есть жена, Уг-Глук, – сказал он, – и ты говоришь за неё. А у тебя, Массук, – жена и мать, и за них ты говоришь. У моей матери нет никого, кроме меня, и потому говорю я. И я сказал: Бок погиб потому, что он был храбрым охотником, а теперь я, его сын, и Айкига, мать моя, которая была его женой, должны иметь вдоволь мяса до тех пор, пока есть вдоволь мяса у племени. Я, Киш, сын Бока, сказал.

Он сел, но уши его чутко прислушивались к буре протеста и возмущения, вызванной его словами.

– Разве мальчишка смеет говорить на совете? – прошамкал старый Уг-Глук.

– С каких это пор грудные младенцы стали учить нас, мужчин? – зычным голосом спросил Массук. – Или я уже не мужчина, что любой мальчишка, которому захотелось мяса, может смеяться мне в лицо?

Гнев их кипел ключом. Они приказали Кишу сейчас же идти спать, грозили совсем лишить его мяса, обещали задать ему жестокую порку за дерзкий поступок. Глаза Киша загорелись, кровь забурлила и жарким румянцем прилила к щекам. Осыпaeмый бранью, он вскочил с места.

– Слушайте меня, вы, мужчины! – крикнул он. – Никогда больше не стану я говорить на совете, никогда, прежде чем вы не придёте ко мне и не скажете: «Говори, Киш, мы хотим, чтобы ты говорил». Так слушайте же, мужчины, моё последнее слово. Бок, мой отец, был великий охотник. Я, Киш, его сын, тоже буду охотиться и приносить мясо и есть его. И знайте отныне, что делёж моей добычи будет справедлив. И ни одна вдова, ни один беззащитный старик не будут больше плакать ночью оттого, что у них нет мяса, в то время как сильные мужчины стонут от тяжкой боли, ибо съели слишком много. И тогда будет

считаться позором, если сильные мужчины станут объедаться мясом! Я, Киш, сказал всё.

Насмешками и глумлением проводили они Киша, когда он выходил из иглу, но он стиснул зубы и пошёл своей дорогой, не глядя ни вправо, ни влево.

На следующий день он направился вдоль берега, где земля встречается со льдами. Те, кто видел его, заметили, что он взял с собой лук и большой запас стрел с костяными наконечниками, а на плече нёс большое охотничье копье своего отца. И много было толков и много смеха по этому поводу.

Это было невиданное событие. Никогда не случалось, чтобы мальчик его возраста ходил на охоту, да ещё один. Мужчины только покачивали головой да пророчески что-то бормотали, а женщины с сожалением смотрели на Айкигу, лицо которой было строго и печально.

– Он скоро вернётся, – сочувственно говорили женщины.

– Пусть идёт. Это послужит ему хорошим уроком, – говорили охотники. – Он вернётся скоро, тихий и покорный, и слова его будут краткими.

Но прошёл день и другой, и на третий поднялась жестокая пурга, а Киша всё не было. Айкига рвала на себе волосы и вымазала лицо сажей в знак скорби, а женщины горькими словами корили мужчин за то, что они плохо обошлись с мальчиком и послали его на смерть; мужчины же молчали, готовясь идти на поиски тела, когда утихнет буря.

Однако на следующий день рано утром Киш появился в посёлке. Он пришёл с гордо поднятой головой. На плече он нёс часть туши убитого им зверя. И поступь его стала надменной, а речь звучала дерзко.

– Вы, мужчины, возьмите собак и нарты и ступайте по моему следу, – сказал он. – За день пути отсюда найдёте много мяса на льду – медведицу и двух медвежат.

Айкига была вне себя от радости, он же принял её восторги, как настоящий мужчина, сказав:

- Идём, Айкига, надо поесть. А потом я лягу спать, ведь я очень устал.

И он вошёл в иглу и сытно поел, после чего спал двадцать часов подряд.

Сначала было много сомнений, много сомнений и споров. Выйти на полярного медведя – дело опасное, но трижды и три раза трижды опаснее – выйти на медведицу с медвежатами. Мужчины не могли поверить, что мальчик Киш один, совсем один, совершил такой великий подвиг. Но женщины рассказывали о свежем мясе только что убитого зверя, которое принёс Киш, и это поколебало их недоверие. И вот, наконец, они отправились в путь, ворча, что если даже Киш и убил зверя, то, верно, он не позаботился освежевать его и разделать тушу. А на Севере это нужно делать сразу, как только зверь убит, – иначе мясо замёрзнет так крепко, что его не возьмёт даже самый острый нож, а взвалить мороженую тушу в триста фунтов на нарты и везти по неровному льду – дело нелёгкое. Но, придя на место, они увидели то, чему не хотели верить: Киш не только убил медведей, но рассёк туши на четыре части, как истый охотник, и удалил внутренности.

Так было положено начало тайне Киша. Дни шли за днями, и тайна эта оставалась неразгаданной. Киш снова пошёл на охоту и убил молодого, почти взрослого медведя, а в другой раз – огромного медведя-самца и его самку. Обычно он уходил на три-четыре дня, но бывало, что пропадал среди ледяных просторов и целую неделю. Он никого не хотел брать с собой, и народ только диву давался. «Как он это делает? – спрашивали охотники друг у друга. – Даже собаки не берёт с собой, а ведь собака – большая подмога на охоте».

- Почему ты охотишься только на медведя? – спросил его как-то Клош-Кван.

И Киш сумел дать ему надлежащий ответ:

- Кто же не знает, что только на медведе так много мяса.

Но в посёлке стали поговаривать о колдовстве.

– Злые духи охотятся вместе с ним, – утверждали одни. – Поэтому его охота всегда удачна. Чем же иначе можно это объяснить, как не тем, что ему помогают злые духи?

– Кто знает? А может, это не злые духи, а добрые? – говорили другие. – Ведь его отец был великим охотником. Может, он теперь охотится вместе с сыном и учит его терпению, ловкости и отваге. Кто знает!

Так или не так, но Киша не покидала удача, и нередко менее искусным охотникам приходилось доставлять в посёлок его добычу. И в дележе он был справедлив. Так же, как и отец его, он следил за тем, чтобы самый хилый старик и самая древняя старуха получали справедливую долю, а себе оставлял ровно столько, сколько нужно для пропитания. И поэтому-то, и ещё потому, что он был отважным охотником, на него стали смотреть с уважением и побаиваться его и начали говорить, что он должен стать вождём после смерти старого Клош-Квана.

Теперь, когда он прославил себя такими подвигами, все ждали, что он снова появится в совете, но он не приходил, а им было стыдно позвать его.

– Я хочу построить себе новую иглу, – сказал Киш однажды Клош-Квану и другим охотникам. – Это должна быть просторная иглу, чтобы Айкиге и мне было удобно в ней жить.

– Так, – сказали те, с важностью кивая головой.

– Но у меня нет на это времени. Моё дело – охота, и она отнимает всё моё время. Было бы справедливо и правильно, чтобы мужчины и женщины, которые едят мясо, что я приношу, построили мне иглу.

И они выстроили ему такую большую, просторную иглу, что она была больше и просторнее даже жилища самого Клош-Квана. Киш и его мать перебрались туда, и впервые после смерти Бока Айкига стала жить в довольстве.

И не только одно довольство окружало Айкигу: она была матерью замечательного охотника, и на неё смотрели теперь, как на первую женщину в посёлке, и другие женщины посещали её, чтобы испросить у неё совета, и ссылались на её мудрые слова в спорах друг с другом или со своими мужьями.

Но больше всего занимала все умы тайна чудесной охоты Киша. И как-то раз Уг-Глук бросил Кишу в лицо обвинение в колдовстве.

– Тебя обвиняют, – зловеще сказал Уг-Глук, – в сношениях со злыми духами; вот почему твоя охота удачна.

– Разве вы едите плохое мясо? – спросил Киш. – Разве кто-нибудь в посёлке заболел от него? Откуда ты можешь знать, что тут замешано колдовство? Или ты говоришь наугад – просто потому, что тебя душит зависть?

И Уг-Глук ушел пристыженный, и женщины смеялись ему вслед. Но как-то вечером на совете после долгих споров было решено послать соглядатаев по следу Киша, когда он снова пойдёт на медведя, и узнать его тайну. И вот Киш отправился на охоту, а Бим и Боун, два молодых, лучших в посёлке охотника, пошли за ним по пятам, стараясь не попасться ему на глаза. Через пять дней они вернулись, дрожа от нетерпения, – так хотелось им поскорее рассказать то, что они видели. В жилище Клош-Квана был спешно созван совет, и Бим, тараща от изумления глаза, начал свой рассказ.

– Братья! Как нам было приказано, мы шли по следу Киша. И уж так осторожно мы шли, что он ни разу не заметил нас. В середине первого дня пути он встретился с большим медведем-самцом, и это был очень, очень большой медведь...

– Больше и не бывает, – перебил Боун и повёл рассказ дальше. – Но медведь не хотел вступать в борьбу, он повернул назад и стал не спеша уходить по льду. Мы смотрели на него со скалы на берегу, а он шёл в нашу сторону, и за ним, без всякого страха, шёл Киш. И Киш кричал на медведя, осыпал его бранью, размахивал руками и поднимал очень большой шум. И тогда медведь

рассердился, встал на задние лапы и зарычал. Киш шёл прямо на медведя...

- Да, да, - подхватил Бим. - Киш шёл прямо на медведя, и медведь бросился на него, и Киш побежал. Но когда Киш бежал, он уронил на лёд маленький круглый шарик, и медведь остановился, обнюхал этот шарик и проглотил его. А Киш всё бежал и всё бросал маленькие круглые шарики, а медведь всё глотал их.

Тут поднялся крик, и все выразили сомнение, а Уг-Глук прямо заявил, что он не верит этим сказкам.

- Собственными глазами видели мы это, - убеждал их Бим.

- Да, да, собственными глазами, - подтвердил и Боун. - И так продолжалось долго, а потом медведь вдруг остановился, завыл от боли и начал, как бешеный, колотить передними лапами о лёд. А Киш побежал дальше по льду и стал на безопасном расстоянии. Но медведю было не до Киша, потому что маленькие круглые шарики наделали у него внутри большую беду.

- Да, большую беду, - перебил Бим. - Медведь царапал себя когтями и прыгал по льду, словно разыгравшийся щенок. Но только он не играл, а рычал и выл от боли, - и всякому было ясно, что это не игра, а боль. Ни разу в жизни я такого не видал.

- Да, и я не видал, - опять вмешался Боун. - А какой это был огромный медведь!

- Колдовство, - проронил Уг-Глук.

- Не знаю, - отвечал Боун. - Я рассказываю только то, что видели мои глаза. Медведь был такой тяжёлый и прыгал с такою силой, что скоро устал и ослабел, и тогда он пошёл прочь вдоль берега, и всё мотал головой из стороны в сторону, а потом садился, и рычал, и выл от боли - и снова шёл. А Киш тоже шёл за медведем, а мы - за Кишем, и так мы шли весь день и ещё три дня. Медведь всё слабел и выл от боли.

– Это колдовство! – воскликнул Уг-Глук. – Ясно, что это колдовство!

– Всё может быть.

Но тут Бим опять сменил Боуна:

– Медведь стал кружить. Он шёл то в одну сторону, то в другую, то назад, то вперёд, то по кругу и снова и снова пересекал свой след и, наконец, пришёл к тому месту, где встретил его Киш. И тут он уже совсем ослабел и не мог даже ползти. И Киш подошёл к нему и прикончил его копьём.

– А потом? – спросил Клош-Кван.

– Потом Киш принялся свежевать медведя, а мы побежали сюда, чтобы рассказать, как Киш охотится на зверя.

К концу этого дня женщины притащили тушу медведя, в то время как мужчины собирали совет. Когда Киш вернулся, за ним послали гонца, приглашая его прийти тоже, но он велел сказать, что голоден и устал и что его иглу достаточно велика и удобна и может вместить много людей.

И любопытство было так велико, что весь совет во главе с Клош-Кваном поднялся и направился в иглу Киша. Они застали его за едой, но он встретил их с почётом и усадил по старшинству. Айкига то горделиво выпрямлялась, то в смущении опускала глаза, но Киш был совершенно спокоен.

Клош-Кван повторил рассказ Бима и Боуна и, закончив его, произнёс строгим голосом:

– Ты должен дать нам объяснение, о Киш. Расскажи, как ты охотишься. Нет ли здесь колдовства?

Киш поднял на него глаза и улыбнулся.

– Нет, о Клош-Кван! Не дело мальчика заниматься колдовством, и в колдовстве я ничего не смыслю. Я только придумал способ, как можно легко убить полярного медведя, вот и всё. Это смекалка, а не колдовство.

– И каждый может сделать это?

– Каждый.

Наступило долгое молчание.

Мужчины глядели друг на друга, а Киш продолжал есть.

– И ты... ты расскажешь нам, о Киш? – спросил наконец Клош-Кван дрожащим голосом.

– Да, я расскажу тебе. – Киш кончил высасывать мозг из кости и поднялся с места. – Это очень просто. Смотри!

Он взял узкую полоску китового уса и показал её всем. Концы у неё были острые, как иглы. Киш стал осторожно скатывать ус, пока он не исчез у него в руке; тогда он внезапно разжал руку – и ус сразу распрямился. Затем Киш взял кусок тюленьего жира.

– Вот так, – сказал он. – Надо взять маленький кусочек тюленьего жира и сделать в нём ямку – вот так. Потом в ямку надо положить китовый ус – вот так, и, хорошенько его свернув, закрыть его сверху другим кусочком жира. Потом это надо выставить на мороз, и когда жир замёрзнет, получится маленький круглый шарик. Медведь проглотит шарик, жир растопится, острый китовый ус распрямится – медведю станет больно. А когда медведю станет очень больно, его легко убить копьём. Это совсем просто.

И Уг-Глук воскликнул:

– О!

И Клош-Кван сказал:

– А!

И каждый сказал по-своему, и все поняли.

Так кончается сказание о Кише, который жил давным-давно у самого Полярного моря. И потому, что Киш действовал смекалкой, а не колдовством, он из самой жалкой иглу поднялся высоко и стал вождём своего племени. И говорят, что, пока он жил, народ благоденствовал и не было ни одной вдовы, ни одного беззащитного старика, которые бы плакали ночью оттого, что у них нет мяса.

Меченый

Не очень-то я теперь высокого мнения о Стивене Маккее, а ведь когда-то божился его именем. Да, было время, когда я любил его, как родного брата. А попадись мне теперь этот Стивен Маккей – я не отвечаю за себя! Просто не верится, чтобы человек, деливший со мной пищу и одеяло, человек, с которым мы перемахнули через Чилкутский перевал, мог поступить так, как он. Я всегда считал Стива честным парнем, добрым товарищем; злобы или мстительности у него в натуре и в помине не было. Нет у меня теперь веры в людей! Ещё бы! Я выходил этого человека, когда он помирал от тифа, мы вместе дошли с голоду у истоков Стюарта, и кто, как не он, спас мне жизнь на Малом Лососе! А теперь, после стольких лет, когда мы были неразлучны, я могу сказать про Стивена Маккея только одно: в жизни не видал второго такого негодяя!

Мы собрались с ним на Клондайк в самый разгар золотой лихорадки, осенью 1897 года, но тронулись с места слишком поздно и не успели перевалить через Чилкут до заморозков. Мы протащили наше снаряжение на спинах часть пути, как вдруг пошёл снег. Пришлось купить собак и продолжать путь на нартах. Вот

тут и попал к нам этот Меченый. Собаки были в цене, и мы уплатили за него сто десять долларов. Он стоил этого – с виду. Я говорю «с виду», потому что более красивого пса мне ещё не доводилось встречать. Он весил шестьдесят фунтов и был словно создан для упряжки. Эскимосская собака? Нет, и не маламут и не канадская лайка. В нём было что-то от всех этих пород, а вдобавок и от европейской собаки, так как на одном боку у него посреди жёлто-рыжих и грязновато-белых разводов – преобладающая окраска этого пса – красовалось угольно-чёрное пятно величиной со сковородку. Потому мы и прозвали его «Меченый».

Ничего не скажешь, на первый взгляд пёс был что надо. Когда он был в теле, мускулы так и перекатывались у него под кожей. Во всей Аляске не сыскалось бы пса более сильного с виду. И более умного – тоже с виду. Попадись этот Меченый вам на глаза, вы бы сказали, что в любой упряжке он перетянет трёх собак одного с ним веса. Может, и так, только видеть этого мне не приходилось. Его ум не на то был направлен. Вот воровать и таскать что ни попало – это он умел в совершенстве. Кое в чём у него был особый, прямо-таки необъяснимый нюх: он всегда знал заранее, когда предстояла работа, и всегда успевал улизнуть. Насчёт того, чтобы вовремя пропасть и вовремя найтись, у Меченого был положительно какой-то дар свыше. Зато когда доходило до работы, весь его ум мгновенно испарялся и вместо собаки перед вами была жалкая тварь, дрожащая, как кусок студня, – просто сердце обливалось кровью, на него глядя.

Иной раз мне кажется, что не в глупости тут дело. Быть может, подобно некоторым, хорошо знакомым мне людям, Меченый был слишком умён, чтобы работать. Не удивлюсь, если при своей необыкновенной сметливости он просто-напросто нас дурачил. Может, он прикинул все «за» и «против» и решил, что лучше уж трёпка раз-другой и никакой работы, чем работа с утра до ночи, хоть и без трёпки. На это у него ума хватило бы.

Говорю вам, иной раз сижу я и смотрю в глаза этому псу – и такой в них светится ум, что мурашки по спине побегут и дрожь пробирает до самых костей. Не могу даже объяснить, что это такое, словами не передашь. Я видел это – вот и всё. Да, посмотреть ему в глаза было все равно, как заглянуть в человеческую душу. И от того, что я там видел, на меня напал страх и всякие мысли начинали

лезть в голову – о переселении душ и прочей ерунде. Говорю вам, я чувствовал нечто очень значительное в глазах у этого пса: они говорили со мной, но во мне самом не хватало чего-то, чтобы их понять. Как бы там ни было (знаю сам, что, верно, кажусь дураком), но, как бы там ни было, эти глаза сбивали меня с толку. Не могу, ну вот никак не могу объяснить, что я в них видел. Не то чтобы глаза у Меченого как-то особенно светились: нет, в них словно появлялось что-то и уходило в глубину, а глаза-то сами оставались неподвижными. По правде сказать, я не видел даже, как там что-нибудь появлялось, а только чувствовал, что появляется. Говорящие глаза – вот как это надо назвать. И они действовали на меня...

Нет, не то, не могу я этого выразить. Одним словом, у меня возникало какое-то чувство сродства с ним. Нет, нет, дело тут не в сантиментах. Скорее это было чувство равенства. У этого пса глаза никогда не молили, как, например, у оленя. В них был вызов. Да нет, не вызов. Просто спокойное утверждение равенства. И вряд ли он сам это сознавал. А всё же факт остаётся фактом: было что-то в его взгляде, что-то там светилось. Нет, не светилось, а появлялось. Сам знаю, что несу чепуху, но если бы вы посмотрели ему в глаза, как это случилось делать мне, вы бы меня поняли. Со Стивом происходило то же, что со мной. Короче, я пытался однажды убить Меченого – он никуда не был годен – и провалился с этим делом. Завёл я его в чашу, – он шёл медленно и неохотно, знал, верно, какая участь его ждёт. Я остановился в подходящем местечке, наступил ногой на верёвку и вынул свой большой «кольт».

А Меченый сел и стал на меня смотреть. Говорю вам, он не просил пощады, – он просто смотрел. И я увидел, как нечто непостижимое появилось – да, да, появилось – в глазах у этого пса. Не то чтобы я в самом деле что-нибудь видел – должно быть, просто у меня было такое ощущение. И скажу вам напрямик: я спасовал. Это было всё равно как убить человека – храброго, сознающего свою участь человека, который спокойно смотрит в дуло твоего револьвера и словно

хочет сказать: «Ну, кто из нас струсит?» И потом мне всё казалось: вот-вот я уловлю то, что было в его взгляде. Надо бы поскорее спустить курок, а я медлил. Вот, вот оно – прямо передо мной, светится и мелькает в его глазах. А потом было уже поздно. Я струсил. Дрожь пробрала меня с головы до пят, под ложечкой засосало, и тошнота подступила к горлу. Тогда я сел и стал смотреть на Меченого, и он тоже на меня смотрит. Чувствую, ещё немного, и я свихнусь. Хотите знать, что я сделал? Швырнул револьвер и со всех ног помчался в лагерь – такого страху нагнал на меня этот пёс. Стив поднял меня на смех. Однако я заметил, что неделю спустя Стив повел Меченого в лес, как видно, с той же целью и вернулся назад один, а немного погодя приплёлся домой и Меченый.

Как бы там ни было, а только Меченый не желал работать. Мы заплатили за него сто десять долларов, последние деньги наскребли, а он не желал работать, даже постромки не хотел натянуть. Стив пробовал уговорить Меченого, когда мы первый раз надели на него упряжь, но пёс только задрожал слегка – тем дело и кончилось. Хоть бы постромки натянул! Нет! Стоит себе как вкопанный и трясётся, точно кусок студня. Стив стегнул его бичом. Он взвизгнул – и ни с места. Стив хлестнул ещё раз, посильнее. И Меченый завыл – долго, протяжно, словно волк. Тут уж Стив взбесился и всыпал ему ещё с полдюжины, а я выскочил из палатки и со всех ног бросился к ним.

Я сказал Стиву, что нельзя так грубо обращаться с животными, и мы немного повздорили – первый раз за всю жизнь. Стив швырнул бич на снег и ушёл злой, как чёрт. А я поднял бич и принялся за дело. Меченый задрожал, затрясся весь и припал к земле, прежде даже чем я взмахнул бичом. А когда я огрел его разочек, он взвыл, словно грешная душа в аду, и лёг на снег. Я погнал собак, и они потащили Меченого за собой, а я продолжал лупить его. Он перекатился на спину и волочился по снегу, дрыгая всеми четырьмя лапами и воя так, словно его пропускали через мясорубку. Стив вернулся и давай хохотать надо мной. Пришлось мне попросить у него прощения за свои слова.

Никакими силами нельзя было заставить Меченого работать, но зато я ещё сроду не видал более прожорливой свиньи в собачьей шкуре. И в довершение всего это был ловкий вор. Перехитрить его было невозможно. Не раз оставались мы без копчёной грудинки на завтрак, потому что Меченый успевал позавтракать раньше нас. По его вине мы чуть не подошли с голоду в верховьях Стюарта: он ухитрился добраться до наших мясных запасов и чего не смог сожрать сам, прикончила сообща его упряжка. Впрочем, его нельзя было упрекнуть в пристрастии – он крал у всех. Это была беспокойная собака, вечно рыскавшая

вокруг да около или спешившая куда-то с деловым видом. Не было ни одного лагеря на пять миль в округности, который не подвергся бы его набегам. Хуже всего было то, что к нам поступали счета за его трапезы, которые, по справедливости, приходилось оплачивать, ибо таков был закон страны. И нас это прямо-таки разоряло, особенно в первую зиму на Чилкуте, – мы тогда сразу вылетели в трубу, платя за все свиные окорока и копчёную грудинку, которых никто из нас не отведал. Драться этот Меченый тоже умел неплохо. Он умел делать всё что угодно, только не работать. Сроду не натянул постромок, но верховодил всей упряжкой. А как он заставлял собак держаться от него на почтительном расстоянии! На это стоило посмотреть – поучительное было зрелище. Он вечно нагонял на них страху, и то одна, то другая собака всегда носила свежие отметины его клыков. Но Меченый был не просто задира. Никакое четвероногое существо не могло внушить ему страха. Я видел, как он один-одинёшенек ринулся на чужую упряжку, без малейшего повода с её стороны, и расшвырял вверх тормашками всех собак. Я, кажется, говорил вам, какой он был обжора? Так вот, как-то раз я поймал его, когда он жрал бич. Да, да, именно так. Начал с самого кончика и, когда я застал его за этим занятием, добрался уже до рукоятки и продолжал её обрабатывать.

Но с виду Меченый был хорош. В конце первой недели мы продали его отряду конной полиции за семьдесят пять долларов. У них были опытные погонщики, и мы думали, что к тому времени, когда Меченый покроет шестьсот миль до Доусона, из него выйдет приличная упряжная собака. Я говорю «мы думали», потому что в то время наше знакомство с Меченым только начиналось. Потом уже у нас не хватало наглости что-нибудь «думать», когда дело касалось этого пса. Через неделю мы проснулись утром от такой неистовой собачьей грызни, какой мне ни разу не приходилось слышать. Это Меченый возвратился домой и наводил порядок в упряжке. Смею вас уверить, что мы позавтракали без особого аппетита, но часа через два снова воспрянули духом, продав Меченого правительственному курьеру, отправлявшемуся в Доусон с депешами. На сей раз пес пробыл в отлучке всего трое суток и, как водится, отпраздновал своё возвращение хорошей собачьей свалкой.

Переправив наше снаряжение через перевал, мы всю зиму и весну занимались тем, что помогали переправляться всем желающим, и здорово на этом заработали. Кроме того, неплохой доход приносил нам Меченый: мы продавали его не раз и не два, а все двадцать.

Он всегда возвращался к нам, и ни один покупатель не потребовал своих денег. Да нам эти деньги тоже были не нужны – мы сами рады были хорошо заплатить всякому, кто помог бы нам навсегда сбыть Меченого с рук. Нам нужно было отделаться от него, но ведь даром собаку не отдашь – сразу покажется подозрительным. Впрочем, Меченый был такой красавец, что найти на него покупателя не составляло никакого труда.

– Не обломался ещё, – говорили мы, и нам платили за него, не торгуясь. Иной раз мы продавали его всего за двадцать пять долларов, а однажды выручили целых сто пятьдесят. Так вот, этот самый покупатель возвратил нам нашего пса лично и даже деньги отказался взять обратно. И уж как он нас поносил – страшно вспомнить! Это совсем недорогая плата, сказал он, за удовольствие выложить напрямик всё, что он о нас думает. Да мы и сами понимали, что он прав, и крыть нам было нечем. Но только с того дня, выслушав всё, что говорил этот человек, я навсегда потерял уважение к самому себе.

Когда с рек и озёр сошёл лёд, мы погрузили наше снаряжение в лодку на озере Беннет и поплыли в Доусон. У нас была неплохая упряжка, и мы, разумеется, и её погрузили в лодку. Меченый был тут же, отделаться от него не представлялось никакой возможности. В первый же день он раз десять затевал с собаками драку и сбрасывал в воду всех своих противников по очереди – в лодке было тесновато, а он не любил, когда его толкают.

– Этой собаке необходим простор, – сказал Стив на следующий день. – Давай-ка высадим его на берег.

Так мы и сделали, причалив ради этого к берегу у Оленьего перевала. Ещё две собаки – очень хорошие собаки – последовали за ним, и мы потеряли целых два дня на их розыски. Так мы этих собак больше и не видели. Но у нас словно гора с плеч свалилась: мы наслаждались покоем и, как тот человек, который отказался взять обратно свои сто пятьдесят долларов, считали, что дёшево отделались. Впервые за несколько месяцев мы со Стивом снова смеялись, насвистывали,

пели. Мы были счастливы, беспечны, как мотыльки. Чёрные дни остались позади. Кошмар рассеялся. Меченого больше не было.

Три недели спустя, как-то утром мы со Стивом стояли на берегу реки в Доусоне. Подошла небольшая лодка, только что прибывшая с озера Беннет. Я увидел, что Стив вздрогнул, и услышал, как он произнёс нечто не вполне цензурное и притом отнюдь не вполголоса. Смотрю на лодку и вижу: на корме, наострив уши, сидит Меченый. Мы со Стивом немедленно дали тягу, как трусы, как побитые дворняжки, как преступники, скрывающиеся от правосудия. Верно, это последнее пришло в голову и полицейскому сержанту, который видел, как мы улепётывали. Он решил, что в лодке прибыли представители закона и что они охотятся за нами. Не теряя ни минуты на выяснения, сержант погнался за преступниками и в салуне припёр нас к стенке. Произошёл довольно весёлый разговор, так как мы наотрез отказались спуститься к лодке и встретиться с Меченым. В конце концов сержант приставил к нам другого полисмена, а сам пошёл к лодке. Отделавшись наконец от полиции, мы направились к своей хижине. Подошли – видим: Меченый уже поджидает нас, сидя на крылечке. Ну как он узнал, что мы тут живём? В то лето в Доусоне было тысяч сорок жителей. Как же ухитрился он среди всех других хижин разыскать именно нашу? И откуда, чёрт возьми, мог он знать, что мы вообще находимся в Доусоне? Предоставляю вам решить это самим. Не забудьте только то, что я говорил о его уме. Недаром что-то светилось в его глазах, словно этот пёс был наделён бессмертной душой.

Теперь уж мы потеряли всякую надежду избавиться от Меченого: в Доусоне было слишком много людей, покупавших его в Чилкоте, и молва о нём быстро распространилась повсюду. Раз шесть мы сажали его на пароход, спускавшийся вниз по Юкону, но он просто-напросто сходил на берег на первом же причале и не спеша трусил обратно. Мы не могли ни продать его, ни убить (оба пробовали, да ничего не вышло). Никому не удавалось убить Меченого, он был точно заколдован. Я видел как-то его на главной улице, в самой гуще собачьей свалки. На него налетели штук пятьдесят разъярённых псов, а когда эти псы рассыпались в разные стороны, Меченый стоял на всех четырёх лапах, целый и невредимый, а две собаки из своры валялись на земле без всяких признаков жизни.

Я видел, как Меченый стащил из погреба у майора Динвидди такой тяжеленный кусок оленины, что еле-еле ухитрялся прыгать с ним на шаг впереди краснокожей кухарки, гнавшейся за похитителем с топором в руке. Когда он взобрался на холм (после того как кухарка отказалась от преследования), сам майор Динвидди вышел из дому и разрядил свой винчестер в расстилавшийся перед ним пейзаж. Он дважды заряжал ружьё, расстрелял все патроны – и ни разу не попал в Меченого. А потом прибежал полисмен и арестовал майора за стрельбу из огнестрельного оружия в черте города. Майор Динвидди уплатил положенный штраф, а мы со Стивом уплатили ему за оленину по одному доллару за фунт вместе с костями. Он сам покупал её по такой цене – мясо в тот год было дорогое.

Я рассказываю только то, что видел собственными глазами. И сейчас расскажу вам ещё кое-что. Я видел, как этот пёс провалился в прорубь. Лёд был толщиной в три с половиной фута, и Меченого, как соломинку, сразу затянуло течением вниз. Ярдов на триста ниже была другая прорубь, из которой брали воду для больницы. Меченый вылез из этой больничной проруби, облизал с себя воду, обкусал сосульки между пальцами, выбрался на берег и задал трёпку большому ньюфаундленду, принадлежавшему приисковому комиссару.

Осенью 1898 года, перед тем как стать рекам, Стив и я поднимались на баграх вверх по Юкону, направляясь к реке Стюарт. Собаки были с нами – все, кроме Меченого. Мы решили: хватит кормить его! С ним было столько хлопот, мы столько потратили на него времени, денег, корма... Особенно корма, а ведь этого ничем не окупишь, хоть мы и немало выручили, продавая этого пса на Чилкуте. И вот мы со Стивом привязали Меченого в хижине, а сами погрузили в лодку наше снаряжение. В эту ночь мы сделали привал в устье Индейской реки и вдоволь повеселились, на радостях, что наконец-то избавились от Меченого. Стив был мастер на всякие штуки, а я сидел, завернувшись в одеяло, и помирал со смеху. Вдруг в лагерь ворвался ураган. У нас волосы встали дыбом, когда мы увидели, как Меченый налетал на собак и разносил всю стаю в клочья. Ну как, скажите на милость, как удалось ему освободиться? Гадайте сами – у меня нет никаких соображений на этот счёт. А как он переправился через Клондайк? Вот вам ещё одна загадка. И главное, откуда он мог знать, что мы отправились вверх по Юкону? Ведь мы плыли по воде, значит, нас нельзя было найти по следу. Мы со Стивом сделались прямо-таки суеверными из-за этого пса. К тому же он действовал нам на нервы, и, признаться вам по секрету, мы его немножко побаивались.

Когда мы прибыли к ручью Гендерсона, реки стали, и нам удалось продать Меченого за два мешка муки одной группе, направлявшейся вверх по реке Белой за медью. Так вот, вся эта группа пропала. Сгинула бесследно: никто больше не видел ни людей, ни собак, ни нарт – ничего. Все они словно сквозь землю провалились. Это было одно из самых таинственных происшествий в здешних местах. Стив и я двинулись дальше, вверх по реке Стюарт, а шесть недель спустя Меченый притащился к нам в лагерь. Пёс был похож на скелет, он еле волочил ноги, а всё же добрался до нас. А теперь пусть мне скажут: кто это сообщил ему, что мы отправились вверх по Стюарту? Мы могли направиться в тысячу других мест. Как он узнал? Ну, что вы на это скажете?

Нет, избавиться от Меченого было невозможно. В Мэйо он затеял драку с одной собакой. Её хозяин-индеец бросился на него с топором, промахнулся и убил свою собственную собаку. Вот и толкуйте о разной там магии и колдовстве, которыми отводят в сторону пули! На мой взгляд, куда трудней отвести в сторону топор, в особенности если за его рукоятку уцепился здоровенный индеец. И вот я видел, своими глазами видел, как Меченый это сделал. Тот индеец вовсе не хотел убивать собственную собаку, можете мне поверить.

Я рассказывал вам, как Меченый добрался до наших мясных запасов? Вот тут уж нам прямо конец пришёл. Охота кончилась; кроме этого мяса, у нас ничего не было. Лоси ушли за сотни миль, индейцы со всеми припасами – следом за ними. Прямо хоть ложись и помирай. Приближалась весна. Оставалось только ждать, когда вскрыются реки. Мы здорово отощали, прежде чем решились съесть собак, и в первую очередь решено было съесть Меченого. Так что же вы думаете, как поступил этот пёс? Он улизнул. Ну как он мог знать, что было у нас на уме? Мы просиживали ночи напролёт, подстерегая его, но он не вернулся, и мы съели остальных собак, съели всю упряжку.

Теперь послушайте, чем всё это кончилось. Видели вы когда-нибудь, как вскрывается большая река и миллионы тонн льда несутся вниз по течению, теснясь, перемалываясь и наползая друг на друга? И вот, когда река Стюарт с рёвом и грохотом ломала лёд, в самой гуще ледяного месива мы углядели Меченого. Он, должно быть, пытался переправиться через реку где-нибудь выше по течению, и в эту минуту лёд тронулся. Мы со Стивом носились по берегу взад

и вперёд, вопя и улюлюкая что было мочи и размахивая шапками. Потом останавливались и душили друг друга в объятиях; мы бесновались от радости, видя, что Меченому пришёл конец. У него не было ни единого шанса выбраться оттуда! Как только лёд сошёл, мы сели в челнок и поплыли вниз по течению до Юкона и вниз по Юкону до Доусона, остановившись всего лишь раз – в посёлке у ручья Гендерсона, чтобы немного подкормиться. А когда в Доусоне мы причалили к берегу, на пристани, наострив уши и приветливо помахивая хвостом, сидел Меченый и скалил зубы, словно говорил нам: «Добро пожаловать!» Ну как он выбрался? И откуда мог узнать, когда мы приплываем в Доусон? А ведь встретил нас на пристани минута в минуту!

Чем больше я думаю об этом Меченом, тем бесповоротнее прихожу к убеждению, что есть такие вещи на свете, которые не по плечу науке. Никакая наука не в силах объяснить Меченого. Это совсем особое физическое явление, или даже мистическое, или ещё что-нибудь в этом роде, и, насколько я понимаю, с прибавлением солидной доли теософии[2 - Теософия – религиозно-мистическое учение.]. Клондайк – хорошая страна. Я мог бы и сейчас жить там и стать миллионером, если б не этот пёс. Он действовал мне на нервы. Я терпел эту собаку целых два года, а потом, как видно, силы мои истощились. Летом 1899 года мне пришлось выйти из игры. Я ничего не сказал Стиву. Я просто удрал, оставив ему записку и приложив к ней пакетик «Смерть крысам», с объяснением, что с этим надо делать. Я совсем отощал из-за этого Меченого и стал таким нервным, что вскакивал и оглядывался по сторонам, когда кругом не было ни души. И просто удивительно, как быстро я пришёл в себя, стоило мне только избавиться от этого пса. Двадцать фунтов прибавил, прежде чем попал в Сан-Франциско, а когда сел на паром, чтобы добраться до Окленда, то уже настолько оправился, что даже моя жена тщетно старалась найти во мне хоть какую-нибудь перемену.

Как-то раз я получил письмо от Стива, и в этом письме сквозило некоторое раздражение: Стив принял довольно близко к сердцу то, что я оставил его с Меченым. Между прочим, он писал, что использовал «Смерть крысам» согласно инструкции, но ничего путного из этого не вышло.

Прошёл год. Я опять вернулся в свою контору и преуспевал как нельзя лучше, даже раздобрел слегка. И вот тут-то и объявился Стив. Он не зашёл повидаться со мной. Я прочёл его имя в списке пассажиров, прибывших с пароходом, и был удивлён, почему он не показывается. Но долго удивляться мне не пришлось.

Как-то утром я вышел из дому и увидел Меченого: он был привязан к столбу калитки и держал молочника на почтительном расстоянии от себя. В то же утро я узнал, что Стив уехал на Север в Сиэтл. С тех пор я уже не прибавлял в весе. Моя жена заставила меня купить Меченому ошейник с номерком, и не прошло и часа, как он выразил ей свою признательность, придушив её любимую персидскую кошку. Никакие силы теперь не освободят меня больше от Меченого. Этот пёс будет со мной до самой моей смерти, ибо он-то никогда не издохнет. С тех пор как он объявился, у меня испортился аппетит, и жена говорит, что я чахну на глазах. Прошлой ночью Меченый забрался в курятник к мистеру Харвею (Харвей – это мой сосед) и задушил у него девятнадцать самых породистых кур. Мне придется заплатить за них. Другие наши соседи поссорились с моей женой и съехали с квартиры: причиной ссоры был Меченый. Вот почему я разочаровался в Стивене Маккее. Никак не думал, что он окажется таким подлецом.

Бурый Волк

Женщина вернулась надеть калоши, потому что трава была мокрая от росы, а когда она снова вышла на крыльцо, то увидела, что муж, поджидая её, залюбовался прелестным распускающимся бутонем миндаля и забыл обо всём на свете. Она поглядела по сторонам, искала глазами в высокой траве между фруктовыми деревьями.

– Где Волк? – спросила она.

– Только что был здесь.

Уолт Ирвин оторвался от своих наблюдений над чудом расцветающего мира и тоже огляделся кругом.

– Мне помнится, я видел, как он погнался за кроликом.

– Волк! Волк! Сюда! – позвала Медж.

И они пошли по усеянной восковыми колокольчиками тропинке, ведущей вниз через заросли мансаниты[З - Мансанита – небольшой вечнозелёный кустарник.], на просёлочную дорогу.

Ирвин сунул себе в рот оба мизинца, и его пронзительный свист присоединился к зову Медж.

Она поспешно заткнула уши и нетерпеливо поморщилась:

– Фу! Такой утончённый поэт – и вдруг издаёшь такие отвратительные звуки! У меня просто барабанные перепонки лопаются. Знаешь, ты, кажется, способен пересвистать уличного мальчишку.

– А-а! Вот и Волк.

Среди густой зелени холма послышался треск сухих веток, и внезапно на высоте сорока футов над ними, на краю отвесной скалы, появились голова и туловище Волка. Из-под его крепких, упёршихся в землю передних лап вырвался камень, и он, насторожив уши, внимательно следил за этим летящим вниз камнем, пока тот не упал к их ногам. Тогда он перевёл свой взгляд на хозяев и, оскалив зубы, широко улыбнулся во всю пасть.

– Волк! Волк! Милый Волк! – сразу в один голос закричали ему снизу мужчина и женщина.

Услышав их голоса, пёс прижал уши и вытянул морду вперёд, словно давая погладить себя невидимой руке.

Потом Волк снова скрылся в чаще, а они, проводив его взглядом, пошли дальше. Спустя несколько минут за поворотом, где спуск был более отлогий, он сбежал к ним, сопровождаемый целой лавиной щебня и пыли. Волк был весьма сдержан в проявлении своих чувств. Он позволил мужчине потрепать себя разок за ушами, претерпел от женщины несколько более длительное ласковое поглаживание и умчался далеко вперёд, словно скользя по земле, плавно, без всяких усилий, как настоящий волк.

По сложению это был большой лесной волк, но окраска шерсти и пятна на ней изобличали не волчью породу. Здесь уже явно сказывалась собачья стать. Ни у одного волка никто ещё не видел такой расцветки. Это был пёс, коричневый с ног до головы – тёмно-коричневый, красно-коричневый, коричневый всех оттенков. Тёмно-бурая шерсть на спине и на шее, постепенно светлея, становилась почти жёлтой на брюхе, чуточку как будто грязноватой из-за упорно пробивающихся всюду коричневых волосков. Белые пятна на груди, на лапах и над глазами тоже казались грязноватыми – там тоже присутствовал этот неизгладимо-коричневый оттенок. А глаза горели, словно два золотисто-коричневых топаза.

Мужчина и женщина были очень привязаны к своему псу. Может быть, потому, что им стоило большого труда завоевать его расположение. Это оказалось нелёгким делом с самого начала, когда он впервые неизвестно откуда появился около их маленького горного коттеджа. Изголодавшийся, с разбитыми в кровь лапами, он задушил кролика у них на глазах, под самыми их окнами, а потом едва дотащился до ручья и улёгся под кустами чёрной смородины. Когда Уолт Ирвин спустился к ручью посмотреть на незваного гостя, он был встречен злобным рычанием. Таким же рычанием была встречена и Медж, когда она, пытаясь завязать миролюбивые отношения, притащила псу огромную миску молока с хлебом.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Иглу – жилище канадских эскимосов, выстроенное из снега.

2

Теософия – религиозно-мистическое учение.

3

Мансанита – небольшой вечнозелёный кустарник.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhek-london/skazanie-o-kishe>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)